

Глава 1. Мария

09.01

Сначала была буква.

И буква была – «А». Алая «А», сорванная невидимой рукой с вывески банка. Софья Михайловна, круглая женщина в голубом пуховике, звеня на морозе ключами, не сразу заметила пропажу. Замок не подчинялся, не впускал металл в свои стылые губы. Софья Михайловна

принялась согреть его ладонью – и замок безжалостно прилип к коже.

Стоя в девять утра под дверью с ключами в одной руке и приросшим к другой руке замком, она поняла – это ловушка. Именно в этот момент она подняла к светлеющему зимнему небу голову в оренбургской шали и наскоро обратилась к Богу. А потом наконец увидела надпись:

«БАНК М.РИЯ»

Прореженные изящные брови дугами сошлись к переносице. Всевышний не только не хотел помогать Своей рабе, но и откровенно над ней насмеялся.

* * *

Евгений шел на первый после затяжных зимних каникул рабочий день не торопясь. Попытка растянуть последний свободный час. Морозец, правда, подгонял – то и дело покусывал участкового за свежесвыбранные щеки и дул снежным дыханием в уши. Мужчина накинул капюшон – и сразу стало темно, как в палатке: обзор сузился до треугольного, отороченного мехом окошка; зато сразу стало теплее. Тяжело вздохнув, он задумался о том, что вся его жизнь представляла собой сложный выбор между комфортом и свободой. И этот выбор приходится и по сей день совершать постоянно, даже в таких мелочах.

Сердито тряхнув головой, Евгений откинул башлык, и январь радостно вцепился в его лицо снова. Евгений скрипнул зубами, незаметно сжал спрятанные глубоко в карманы кулаки и продолжил путь. До отделения оставалось два квартала.

Навстречу ему спешили мамыши, везущие в санках капуствообразных детей. Некоторые свертки гневно сопротивлялись, другие покорились судьбе и взирали на проносящуюся мимо улицу со смирением, и Евгений, утерев выбегающую из носа прозрачную струйку, умилился.

Вспомнил собственное детство и даже помахал одному малышу рукой – прежде чем везущий его отец стартовал на зеленый сигнал светофора.

«Им хотя бы в спину дует», – мрачно подумал он.

* * *

Дуня дернула за поводья, ведущие к правому бортику санок. Темная фигура в рабочей куртке с блестящими полосками замерла. Медленно повернулась. В ответ на вопросительную мину Дуня указала ручкой в зеленой ва-режечке на ближайший дом.

Лицо смотрящего озарилось счастливой широкой улыбкой. Он часто закивал. В его круглых безмятежных глазах отражалось слово «околом».

* * *

– Так, гражданочка, что у вас украли-то? – деловито поинтересовался Евгений, щелкая ручкой.

Острый клюв стержня готов был вонзиться в тонкую бумагу, но женщина по ту сторону стола медлила и мялась.

– Да ничего особенного, – запричитала Софья Михайловна. – Разве ж это кража... Кому она вообще нужна...

– Что, что нужно? – напрягся Евгений.

Нераскрытая кража в первый рабочий день. Это звучало неприятно: где-то в подкорке Евгения прочно сидела вбитая гороскопами мысль – как начнешь год, так и проведешь.

– Да буква эта, – махнула перебинтованной рукой собеседница. – Вам чаю, может?

– Мне б понять, что у вас украли, – начал злиться участковый. – Место преступления осмотреть. Сфотографировать. Улики изъять. А вы все вокруг да около!

Софья Михайловна пожевала губами:

– Пойдемте.

Крошечное отделение банка «Мария», которым она заведовала, было всего лишь одним из множества открытых по разным городам и практиковало необычный подход к клиенту. А именно – все кредиты и ссуды, обмен валюты и прочие услуги доступны для клиента в том только случае, если он, то бишь она – женского пола. Уютный зал, переделанный из квартиры, выкрасили в нежный персиковый цвет, и шепчущиеся за столиками с кофе женщины больше напоминали закадычных подружек, чем кассирш и клиенток. Евгений хмыкнул: «Что за бредовая идея – феминистический банк!» – и вышел вслед за собеседницей наружу.

– Вот, – проговорила она, выпуская клуб теплого пара.

– Что – вот? – нахмурился Евгений.

Вместо ответа Софья Михайловна показала наверх. В стройном ряду вывески явно не хватало одного элемента.

– А-а-а, – протянул Евгений, и в этом протяжном «а» смешалось разочарование и удивление.

Он наконец опустил шариковый кончик на лист. Застывшие чернила отказывались писать, поэтому первое слово возникало из небытия постепенно – из продавленной канавки в темно-синюю полноводную вязь. Евгений сплюнул, выругался и вырвал первую страницу.

Нельзя допустить никаких ошибок.

* * *

Ничего толком неизвестно: до каникул все висело на месте, а сегодня уже нет. Когда точно исчезла? Непонятно: выловленные на улице свидетели пожимали плечами. Сказывался описанный в книжках эффект замыливания: большинство людей и вовсе не замечали, что в табличке что-то не так, пока Евгений не просил присмотреться повнимательнее. Расположенный в спальном райончике,

вдали от шоссе, банк вообще сложно найти, если не искать нарочно, и оттого, вопреки всем правилам безопасности, за его входом не наблюдал ни один глазок видеокамеры.

Вооружившись рулеткой, следователь прикинул расстояние: воображаемому похитителю для его дела потребовалось бы спецснаряжение. С земли рукой до вывески не достать – она повисла на простенке ровно между первым и вторым этажом. Заваренные решеткой окна на втором этаже исключали хулиганство со стороны их хозяев: оставалась только призрачная надежда на то, что кто-то из пьяной молодежи на спор залез и отвинтил несчастную букву.

Евгений встал на хлипкую табуреточку. Хм... Провода срезаны аккуратно, а не вырваны с мясом. Таинственный незнакомец явно вооружился инструментами, чтобы с хирургической точностью отделить искомый объект.

«Дело ясное, что дело темное», – решил он про себя.

Глава 2. По Млечному пути

10.01

На следующее утро к магазину с бело-голубой вывеской зазмеилась очередь. Люди с бидончиками, флягами, бутылками торопливо выстраивались друг за другом: это был единственный магазинчик в районе, куда каждое утро привозили свежее молоко. Во всех прочих супермаркетах и ларечках молоко не выдерживало никакой критики. На вкус оно настойчиво отдавало яичной скорлупой, а при добавлении в кофе растекалось поверху масляной пленкой. Поэтому когда магазинчик возник, слава о нем распространилась по сарафанному радио. Слухи – лучшая реклама, и какие бы скидки ни выставляла соседняя «Соточка»,

её молоко так и оставалось на полках, лишь время от времени сами собой менялись черные цифры на боку.

– Завезли сегодня пожирнее, – важничала женщина в вязаной шали, отвинчивая крышку от фляги. – И творожок нынче зернышко к зернышку!

Её товарка качала головой и притопывала ножкой – от нетерпения и чтобы разогнать кровь, стынувшую на морозе.

Но в тот момент, когда словоохотливая покупательница уже готовилась войти в крошечный тамбур, наполненный благословенными молочными реками, её нагло отпихнул высокий мужчина в глухом пуховике.

– Куда без очереди? – истерично заверещала старушка, но сейчас же смолкла, когда нахал обернулся к ней. – А, это ты, Женечка?.. Тоже за молочком?

– Я вообще-то по делу, – важно заявил он и хлопнул дверь перед самым носом.

«Мама, – подумал он раздраженно. – Как будто дома тебя не хватает».

Минуту спустя ручку двери украсила многозначительная табличка «Технологический перерыв». Толпа, загудев недовольным ульем, начала рассасываться. У «Соточки» появился шанс наконец сделать план.

Продавщица сняла натянутые до локтей хирургические перчатки и косынку, обнажив тугую, обернутую вокруг головы косу. Развязала прилипший к шее бантик и стащила фартук со смеющейся телячьей головой. Утерла пот со лба: в крошечном помещении с удобством размещались только двое людей да прилавок и царила вечная духота.

– Я ж тут всего по три часа в день работаю, – затараторила женщина, завидев Евгения. – С девяти до полудня, а потом молоко кончается, ну и еду обратно в деревню. Мы в том году с машины продавали, а тут поднялись

немного... Помощники завелись хорошие, мы доильные аппараты сладили, обогрев в хлеву сделали по уму... прям волшебник из песни...

Евгений вместо ответа обескураженно молчал. Назойливой рекламы ему хватало дома в телевизоре.

– ...А станет хозяйство побольше – так еще соседний павильон выкупим, глядишь, и сырик возить начнем...

– Буквы, – вежливо вставил Евгений. К молоку он не питал особой любви и выносил его разве что в составе кофе. Люди, с причмокиванием пившие молочные коктейли и восхищавшиеся ряженкой, вызывали неподдельное удивление, доходившее до брезгливости.

– А, это... – протянула продавщица. – Так приехала с утра, смотрю – нет букв. И слово-то получилось такое дурацкое... Что за зверь такой – МЛОК? Ну а мне что – торговлю же не тормозить? Позвонила вам первым делом, да и запустила продажу.

Евгений скрежетнул зубами. То, что могло показаться, пусть и с натяжкой, безобидной выходкой школьника, грозило превратиться в бессмысленную и беспощадную серию. Впрочем, сначала надо утвердиться в своей теории.

– То есть вчера все буквы еще были на месте? – уточнил он, торопливо записывая основные моменты её монолога в блокнот.

– Вроде да, – нахмурилась продавщица. – Обычно же не смотрю...

Евгений поднял голову от листа. Вот оно – проблеск. Обычно. Вчера, во время расспросов людей на улице, он слышал это слово множество раз – обычно. Обычно не обращали внимания. Обычно проходили мимо. Да вроде все было как обычно.

«В равнодушии и невнимательности людей кроется зло», – проговорил он про себя, а вслух сказал совсем другое:

– Все понятно. – И, не обращая внимания на дальнейшую тираду, без прощания вышел за дверь в объятия зимы.

* * *

Он вошел в свой кабинет. Обшарпанные стены казались милыми и уютными, от стоящего радиатора расходилось осязаемыми и почти зримыми лучами тепло. Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что это всего лишь пар от сохнувших носков.

– Опять ты, Веня, газовую атаку устроил, – поморщился Евгений.

Его напарник хмыкнул, громко брякая ложечкой в кружке с надменной надписью «Лучшему сотруднику отдела». От этого кончики баронских усов, завернутые кверху полумесяцем, совершили кокетливое движение. Усовый реверанс. При взгляде на эту кружечку и усы Евгений Борисович, чье лицо украшала разве что благородная свежесбрита синева, а стол – картонный стаканчик «KFC», надулся. Лучший сотрудник отдела глядел на него насмешливо:

– Что, Евгений Борисыч, как там украденные буквы? Нашли преступника? Надо поспевать, а то, глядишь, целая серия вырастет.

– Не трави душу, – разозлился Евгений.

Сосед всегда обращался к нему по имени-отчеству, и дело было не столько в том, что он годился ему в сыновья, сколько в выражении фальшивого, пропитанного ядом снисхождения лже-уважения. Новичок вгрызся в новую работу усердно, лихо стартанув; но, как часто бывает в теплых уютных кабинетах, успел немного устать и замедлился.

Евгений Борисович, выплыв из пучины зависти и тягостных воспоминаний о собственной «боевой молодости»,

с тоской поглядел на папки дел, высившиеся перед ним. Здесь, завернутые в картон, подписанные номерами, лежали дела, которые предстояло закрыть. В основном угнанные велосипеды, разбитые стекла в автомобилях. Мелочи, за которые толком и браться-то не стоит, но которые копятя. Пропавшие буквы грозили оказаться странным украшением этого вороха призрачных вещей. Вишенкой на торте его непродуктивности.

– А как там твой огородный террорист?

Самодовольные Венины усы потухли и опустились.

– Ищем, Евгений Борисович.

– Плохо ищете, – мстительно заметил Евгений. – Портретов нигде нет.

– Знаете что, – разозлился Веня, – вот пойду и распечатаю. А вы, Евгений Борисович, и дальше над буквами корпите. Может, и соберете из букв «ж», «о», «п» и «а» себе повышение.

Евгений проворно схватил со стола листок с образцом заявления и свернул его в бумажный снежок. Запустил во врага – но тот уже исчез за фанерной дверью, напевая что-то про опасную и трудную службу. И только президент на календаре лучезарно улыбался, несмотря на точное попадание в голову.

* * *

Минутная стрелка отмеряла последнюю четверть часа медленно, как перед казнью. Секундная стрекотала бодрым кузнечиком, но от её крошечных частых шажков время шло как будто не быстрее, а зануднее.

Гора коричневых папок уменьшалась с одной стороны, но вырастала с другой – правда, уже отмеченная фиолетовой печатью «закрыто». Евгений шлепал почти не глядя – все эти дела ему были знакомы. Мериды, стелсы и треки преследовали его мысли разноцветными стаями,

и названия, написанные на их стройных рамах, жили собственной жизнью. Когда минутная стрелка задумчиво замерла на середине между одиннадцатью и двенадцатью, он не выдержал. Встал с потертого стула, надел шапку и темно-синий пуховик.

Веня, сидящий напротив, поднял было удивленную бровь и собрался что-то сказать, но промолчал. Отвел глаза. Шумно хлебнул чай из кружки. Нижняя кромка усов потемнела от влаги. Евгений посмотрел на прощание в добрые глаза президента и буркнул – то ли ему, то коллеге, то ли горе бумаг:

– До завтра.

На улице невидимый груз спал с плеч. Мороз, кусавший все утро, теперь подутих – уступив место пушистому ватному снегу. Хлопья скользили по сизым щекам участкового, и он впервые за день расслабленно улыбнулся.

Под ногами стремительно наметало сугробы. Евгений топтался на месте, поднимая то одну ногу, то другую. Любовался тем, как серебристый снежок стремительно замечает четкие ребристые следы армейских ботинок. В блеске фонарей он переливался. От такой красоты в участковских глазах защекотало, поплыло. На ум полезли сказки про снежную королеву и серебряное копытце, и он даже не успевал сердиться на пешеходов, врезающихся в спину и нетерпеливо толкающих в бока. Снег искрился, выхваченный светом светофора. Желтым окном шаурмачной. Красным лучом фары. Двумя золотыми семерками ломбарда.

Евгений прищурился. И точно: проба турецкого золота лишилась сотенного порядка.

11.01

Вокруг островами лежали исчерканные листки. Там и сям синие строчки пересекались кофейными разводами и пеплом. Евгений Борисович, нарушая мамины запреты и собственные принципы, курил прямо в спальне. Согласно его собственному суеверию, кофе, сигареты и черканье непременно привели бы его к разгадке. Но сейчас это больше походило на затянувшийся чемпионат по шарадам среди одиночек.

А, О, О, 77. Позже к ним добавились П от «Гомеоптики», Р от кофейни с красочным названием «Борщ». С от магазина взрослых игрушек «Стрессекс»... За прошедший месяц участковый узнал столько новых слов и побывал в стольких разных местах, что предыдущая жизнь показалась только учебой, тренировкой перед навалившимся запутанным делом. Собранных злодеями букв хватило бы на новую длинную вывеску, а налитая в замок вода наводила подозрения на местную фирму, торгующую дверным оборудованием. «Проверить эту версию», – думал Евгений, хлебая остывший кофе. Сон мучительно не шел, хотя стрелка двигалась к шести утра субботы.

Сидя на темном, пропитанном болью и супом ковре (мама будет ругаться), Евгений Борисович ощутил себя песчинкой в волнах темного океана. Кругом напозлали темные монстры, размахивающие щупальцами, и нечленораздельно рычали каждый на свой лад. Он глубоко вздохнул, нащупал под носком пульт и нажал на красную кнопку – и тотчас щебет кулинарного шоу перебил его тягостные видения.

Субботние утренние передачи никогда не отличаются кровожадностью или напором. Субботние утренние передачи – это плеск ручейка. Никаких тебе перестрелок –

только сравнение овсяной и гречневой каши. Миловидная женщина в круглых очках советует добавлять в гречневую кашу мед и инжир для придания внезапных оттенков, и Евгений морщится, представив нелепый вкус на языке. Когда стрелка добирается до шести, женщину в переднике сменяет женщина в строгом костюме. Новостница вещает о каких-то вещах, но Евгений не слушает. Он растворяется в журчанье её речи. Он пытается запомнить, какой знак изображают губы при произнесении звука. В тот момент, когда ему показалось, что он почти научился, экран перекрывает черно-белый портрет мужчины с отдаленно знакомым лицом.

Разыскивается. Особо опасен... Если вы что-то знаете о местонахождении этого человека, немедленно сообщите по этому очень длинному номеру телефона, который невозможно запомнить. Или наберите «02». Евгений Борисович ухмыляется: все-таки его сосед сдержал обещание. «Особо опасным» являлся некий гражданин Озерцов В. Ю., по профессии электрик.

Вследствие увлечения идеями протеста объявил самого себя вершителем и принялся отрезать от сети загородные дома мелких и крупных чиновников. Делал он это хитро: приходил в своей обычной форме для «проверки оборудования» и что-то такое вытворял с щитком, что ровно спустя час после его ухода свет гас повсюду. Собственно, это все прошло бы незаметно и было бы обычным хулиганством или некомпетентностью, но однажды он устроил «проверку» как раз перед свадьбой дочери крупной шишки Вяткина.

На этой свадьбе Озерцов превратился из хулигана в настоящего террориста – взял в заложники невесту и сбежал. Евгений Борисович цокнул языком по небу. История была мутная и темная. С тех пор электрика искали с особым тщанием, но безуспешно, а свет продолжал гаснуть

то в одном элитном поселке, то в другом – словно гигантская невидимая рука передвигала клавишу выключателя.

Впрочем, к пропаже букв это отношения не имело.

Или?.. Рука участкового замерла на полпути к пульту. Равнодушно посмотрел на него исподлобья грубо собранный фоторобот. Посмотрел и исчез.

Следом уже выросла новая фотография – круглое девичье личико. Она смотрела не исподлобья, а сбоку, кокетливо вытянув блестящие розовые губы, и если бы не приписка «пропала без вести», то можно было бы решить, что тревожную ноту после портрета преступника сбавляют рекламой сайта знакомств. Но большой палец уже опускается на красную кнопку – и вот, мигнув на прощание кошачьим зрачком, экран погас.

Евгений Борисович упал на диван.

И, словно получив эстафетную палочку, в соседней комнате встала со своей кровати его мать.

* * *

Дуня таскала драгоценный груз наравне с братом, хоть и давалось ей это тяжелее. Большие буквы упирались металлическими каркасами в голый подбородок, нещадно жглись железом. Молчаливый брат раскладывал буквы деловито - вдоль прочерченной на заснеженной крыше ботинком линии. Пока Дуня волокла алую «а» (которая в выключенном виде казалась вовсе не алой, а темно-коричневой), брат выложил начало – оставив пробел для неё.

Дуня уложила ношу. Отошла назад. Почти все было собрано, не хватало каких-то двух букв, но и времени оставалось мало.

Она помахала брату варежкой. Он, замороженный открявшившимся зрелищем, не сразу заметил.

– Эй, – позвала она.

Парень оглянулся. Улыбнулся широко, кивнул.

В ночной тишине двое детей аккуратно спускались вниз по хлипкой пожарной лестнице.

* * *

– Я вот о чем вчера подумал, – с жаром говорил Евгений Борисович, отхлебывая бодрящий напиток. – Что, если между твоим Озерцовым и моими буквами есть связь?

– Какая? – поморщился Веня, как бы случайно поворачивая кружку напыщенной надписью к собеседнику.

– Ну, электрическая, – продолжал Евгений Борисович, усиленно отводя взгляд от магнетических слов. – Озерцов – он ведь кто? Борцун с чиновниками, противник эксплуатации простых людей... а ведь все эти магазины-банки-парикмахерская – это ведь и есть орудие капиталистов. Лавочки, куда люди вынуждены ходить, чтобы работать или покупать.

– Это мелко для Озерцова, – задумчиво ответил Веня, – сам посуди: он проникал в дома к чиновникам! Он человека украл. А тут – буква. Да они и со сломанной вывеской смогут того... эксплуатировать.

На несколько минут воцарилось молчание. Веня шумно тянул кофе. Евгений Борисович рисовал ручкой на образце волнистые контуры – как в школе, на географии, и заполнял их короткими волнами штрихов. Когда весь образец заявления заполнился прудами и болотами, Евгений Борисович поднял на коллегу напряженный взгляд:

– Веня, мне нужны материалы по Озерцову.

Веня с сомнением помотал головой:

– Глупости все это.

Но – под прицелом взора все-таки поднялся. Потянулся ленивой пузатой кошкой, заглянул в зеркало, поправил выбившуюся прядь, придал усикам правильный изгиб волны. Наслюнявил палец, стер с поверхности стекла

пылинку, оставив влажный след. Открыл лакированные дверки шкафа. Дело Озерцова по-царски лежало ровно посередине, с оставленным слева и справа участком полки. На светло-коричневую папку даже не успела осесть плотным слоем пыль, но Веня все равно смахнул её. Вынул нежно и мягко, словно кота из коробки, – и бросил на стол перед Евгением Борисовичем с таким грохотом, что подскочил даже президент на календаре.

– На, – небрежно пробасил он. – Последний эпизод со свадьбой где-то ближе к концу.

Глава 4. Информатор

12.01

...Детальный осмотр дела не дал почти ничего. Снимки напудренных подружек первых лиц. Оглушительно яркие цветы на идеально прореженных клумбах. Все это странным образом оттенялось сухими, сжатыми формулировками на писчей бумаге. Такой-то сказал... Такая-то утверждает... Перечитывая в сотый раз один и тот же абзац, Евгений Борисович поймал себя на странном и томительном ощущении – всё большем восхищении туповатой отвагой электрика.

Больше всего поражал сам побег – готовая, документально подтвержденная героическая история. Невеста и жених прибыли на праздник не на белом коне или лимузине, а на самом настоящем вертолете – приземлились прямо на специальную площадку. И, прижав к холеной шее шуруповерт, именно к вертолету потащил Озерцов свой живой щит. Вертолет взлетел, унося трех пассажиров на борту, и все трое канули в Лету.

Живой или мертвой дочь Вяткина так и не нашли. Выкупа никто не просил. «Не трогай моих, тогда я твою не

трону», – единственное, что сказал он на прощание. Даже вертолет – и тот будто канул в неведомый портал вместе с летчиком. Евгений Борисович разглядывает её портрет – живой, кокетливый взгляд, полные губы, темные волосы – и сразу узнаёт лицо из погасшего субботнего кадра.

– Эх, такую и я бы того... украл, – мечтательно произносит Вениамин из-за соседнего стола, и Евгений Борисович вздрагивает, выдернутый из плоского бумажного мира.

– Да по-любому пластика и косметика, – щурится он недоверчиво.

– Может быть, – соглашается собеседник. – На папины деньги я б тоже, может, сделал себе парочку операций...

Евгений Борисович смотрит на напарника изумленно. Вениамин торопливо пьет кофе из памятной кружки и делает вид, что читает перевернутый листок со свидетельскими показаниями.

Когда на обложку легла последняя страница, Евгений Борисович отложил дело в сторону и закурил. Теперь становилось понятным, почему этот томик занимал центральное место на полке, старательно отряхаемый от пыли и загромождения другими делами. Это была история местного Робин Гуда, борца за справедливость, только вместо денег он отбирал электричество и вряд ли потом его кому-то отдавал.

У каждого Робин Гуда есть своя леди Мэриан, с усмешкой подумал он. Но какого черта самопальный разбойник может быть замешан в его деле? Найдешь ответ на этот вопрос – найдешь и его самого, уверял себя участковый. Где-то в глубине серой милицейской души зарождался охотничий азарт. Где-то в глубине души грезилась кружка с надписью «Лучшему сотруднику отдела», ровно в два раза больше, чем Венина.

Пора было приступать к не совсем законным методам добычи информации.

Вислый сидел на своем привычном рабочем месте. Спиной он подпирал светофор на ржавом столбе, сложенными по-турецки ногами – картонную табличку с жалостливым безграмотным текстом. В помятой фетровой шляпе белели бумажные десятки и золотистая чешуя мелочи. Еще одна помятая фетровая шляпа венчала худую голову, усеянную бело-рыжими клочками волос. Откуда у бездомного две одинаковые фетровые шляпы, никто не знал, как и то, в какой момент к бродяге прицепилось это прозвище.

Евгений Борисович ухмыльнулся. Носком ботинка подопнул копилку. Вислый забубнил проклятия, но, подняв голову, замолчал: суровый нрав участкового известен ему на собственной шкуре. Или скорее на содержимом обеих фетровых шляп. Лишиться дневной выручки было даже больнее.

– Есть разговор.

Когда он говорит это таким тоном, без привычного фальшиво-дружеского «Ну что, как сидится?» – это означает, что ему нужна не половина дневной доли, как условлено, а что-то еще. По огоньку в глазах стало понятно, что товарищ в погонах подсел на конька, на котором обычно его не увидишь.

– Пошли, – со вздохом отозвался Вислый, сгреб под полы залатанного советского ватника рабочие инструменты. Поднялся, забрал, бережно отряхнув от снега, стильную картонку. Рабочее место следовало содержать в чистоте, даже если эта чистота находится возле немытого тела.

Столовая «Диетическая» называлась так не потому, что в ней могли питаться больные диабетом или язвенники. Скорее тут имелась в виду диета для тех, у кого денег совсем немного. С десяти до семи в зале, оклеенном

красными и белыми квадратами, сидели люди разной степени вынужденности. Студенты в тонких пуховиках. Старухи в многослойных шالях. Цыганки с бесконечным выводком детей. И – коллеги Вислого по несчастью.

Евгений Борисович уверенно подошел к темному столику, зажатому между вешалкой и туалетом. Он с грохотом поставил на стол два бледных чая в граненых стаканах и сейчас же разломал над одним из них бумажные палочки сахара. Крупинки с легким шелестом скатились вниз. Свой сахар Вислый картинно разорвал над желтым прокуренным языком: так вкуснее. Участковый брезгливо поморщился, сунул дырявое весло палки-размешивалки в чай.

– Стаканы купили, а ложечек нет...

– Ложечки слямзить проще, – отозвался Вислый, – а стоят они дороже... Когда они только открылись, я штук пятна...

– Заткнись, – грубо прервал его собеседник.

Бомж обиженно замолчал. Отпил чай. На вкус он был соломенным, как и на цвет, и отдавал веником – тем самым светлым веником, который заматывали в капроновую колготину, чтобы круглые у основания стебли не рассыпались в труху. Впрочем, сейчас образ веника вызывал скорее приятное умиление, чем отвращение, и Вислый расплылся в довольной улыбке. Евгений Борисович отхлебнул из своего стакана и фыркнул недовольным конем.

Чай разлетелся янтарными брызгами и осел крошечными каплями на зачатках темной щетины возле рта.

– Есть дело, – произнес влажный, обрызганный чаем рот.

– Какое? – пробормотал Вислый, усиленно отклеивая свой взгляд от квадратного с сальным блеском лица.

– Мне нужно знать, кто орудует с вывесками. Может, ты видел чего или слухи ходят по району... – Евгений Борисович буравил информатора пристальным взглядом.

Информатор зябко поежился, опустил глаза к поцарапанному пластику столешницы. У самой кромки кто-то нацарапал слово «Рита».

– Не видел, – пробормотал он. – Не знаю. Щас зима, я рано ухожу. Холодно на улице долго сидеть. Реально инвалидом стать можно.

– Значит, не знаешь... – задумчиво протянул Евгений Борисович. – А если подумать? Может, кто их на цветмет спиливает или ещё чего?

– Цветмет? – Вислый ослабился. – Да в них металла с гулькин нос! То ли дело провод в Чистяках...

И замолчал, испуганно уставившись на собеседника.

– Продолжай, – властно потребовал Евгений Борисович. – Провод, говоришь, срезали в коттеджном поселке Чистые Ручьи?

– Ннну... это... да. Сам не видел, слышал только.

Чистые ручьи проходили в деле Озерцова красной ниткой. Погасшие дома, поломанная свадьба. И это опять не то, что он ищет. Он поежился от неприятного чувства, что делает работу за соседа по кабинету.

– Только мастера проложили новый кабель – той же ночью кто-то откопал. Будто знали, где надо искать, – хирургически извлекли.

– Откуда только слова такие знаешь, – ухмыльнулся снова Евгений. – Хирургически.

Вислый завращал головой, как испуганный воробей. Шляпа на макушке угрожающе задержалась, собираясь свалиться.

– Пора мне, – бросил он коротко. – Сегодня на углу у школы бесплатно гречу с котлетами дают. Извини, начальник...

– Я ничего ему не сказал, – шептал он торопливо во тьму поддверной щели, в которую заползал гибкий черный кабель. – Ничего, слышите?

Темнота молчала, но в этом молчании ощущалось уверенное одобрение.

Вислый погладил дверь ладонью. В его углу из вспоротых ватных одеял было уже сплетено уютное подобие круглого гнезда. Возле гнезда кабель раздваивался, и заканчивался у тканевой кромки советской плитой с раскаленной докрасна спиралью. На ней грелась вырезанная из жестяной банки кружка с густым черным (не то что в диетической) байховым отваром.

Теперь Вислый жил в этом недострое как в настоящей квартире: есть стены, пол и теперь даже свет. До ветру и по делам более серьезным Вислый старался ходить на улицу, если за стеной не трещал мороз. Пока здесь не пролег магический змей-провод, было туго: чтобы не замерзнуть, завернуться надо было в несколько тулупов. Иногда он сжигал мусор в металлическом тазу, и тот принимался беспощадно чадить и кусать глаза.

– Хи-рур-ги-чески, – повторил он заклинание, подсмотренное на бесплатной газете.

Глава 5. Детский вопрос

13.01

– И что, никто вам провода не сдавал?

Он ходил вдоль длинного гробообразного склада, в котором вместо человеческих останков разложились отжившее свое круглые бочки стиральных машин, холодильниковые остова. Вся лишняя начинка выдиралась безжалостной рукой приемщика. Оставались только

металлические ржавые корпуса, рыжие паутины проводов, ребра спиленных кладбищенских оградок.

– Никто, – просто отозвался мясник-приемщик. – А ежели приносят, то жженные-пережженные, без обмотки – за чистую медь больше дают. Ну а как накопится, – он пнул дверцу старенького «ЗИЛа», – увозим на переработку.

– С Чистых Ручьев срезали всю линию подчистую, – сказал полицейский.

– Может, натянули в другом месте? – подмигнул приемщик и почесал черной рукой острую щетину.

– Может быть, – задумчиво отозвался Евгений Борисович и вышел наружу через открытую настежь металлическую дверь, сваренную из обрезков ажурных прутьев.

– Этой зимой будто вал прошел, – изрекает приемщик неохотно. – Не только в Чистяках. Везде. Торжок, Соснянка... Причем не деревня, нет, а эти, как их... коттеджные поселки.

Евгений Борисович слушает вполуха.

На профлисте, служившем и вывеской, и козырьком, слово “ПриЕм” было выведено красной краской. Когда-то здесь тоже висели объемные буквы. Сейчас от них остались только выцветшие на солнце контуры с.т.е.к.л.о. и круглые дырки от болтов.

– Давно сняли? – махнул он рукой на вывеску.

– Что? – удивился приемщик и тоже вышел наружу.

Долго задумчиво изучал полоски на профлисте.

– Дак да, – наконец вынырнул из глубины своих воспоминаний. – Года три назад, когда бизнес поменялся. С бутылками невыгодно стало возиться, ну и... Мужик-электрик скрутил аккуратненько и унес куда-то, обещали починить. Мне-то что – я подневольный, хозяин даже расписки с них брать не просил. Ну и...

– Не вернул, – медленно-медленно проговорил Евгений Борисович.

В его воображении заколебался бумажный бантик на тонкой веревочке. Вот оно, совсем близко.

– Мышиного такого типа человек... и еще с ним сынишка – серьезный на вид пацан, молчаливый, надутый...

– Сынишка? – поднял бровь участковый. – Три года прошло. Откуда такие детали?

– А, вспомнил, – нахмурился приемщик, не спуская пристального взора со светлых контуров «стекло». – Мальчишку ударило током. Прикинь, держался руками за кабеля и трясся... Я такое только в фильмах раньше видел.

Он коротко заржал, а Евгений Борисович наконец заметил выжженную кляксу над «е», автоматически сдвигающую её на одно место дальше в алфавите.

* * *

В тесной раздевалке взрослому смешно, как в домике-аттракционе «Гулливер» – только мебель не большая, а маленькая. Средняя между игрушечной и нормальной: шкафчики по пояс, лавочки ростом не выше сапога. Взрослые, оказавшись здесь, разом скукоживаются, пытаясь втиснуть себя в крошечные пропорции этого странного ярко зелено-желтого-розового мирка.

И только дети чувствуют себя здесь уютно.

На крошечных узких дверках грибочки: мухомор, синявка, лисичка, боровичок. На сидушках лавочек – цифры. На подоконнике – прикрученные шурупами цветочные горшки. Фикус кажется огромным – как пальма. Когда стоящий под ним малыш подпрыгивает, чтобы дотянуться до ветки, его подхватывает нянечка и ласковым профессиональным движением отбрасывает в сторону родительницы, стоящей на пороге.

– Пока, Ванечка, до завтра, – ласково поет она ему в спину, но для Ванечки перестала существовать уже и она, и пальма, и шкафчик с боровичком.

– До свидания, Маргарита Петровна, – шелестит вместо Ванечки высокая рослая блондинка в лыжном костюме и забирает сына за дверь.

На лавке под рыжей дверцей осталась только девочка, нахохлившаяся в коричневой шали, как январский воробей. Мама опаздывала – как обычно по пятницам. Маргарита Петровна, рассовавшая остальные кульки по рукам, теперь возвышалась где-то сверху и слева темной мрачной птицей, нервно поглядывая на большие ромашковые часы. Короткая черная стрелка угрожающе сдвинулась левее на градус. Короткие черные брови Маргариты Петровны угрожающе сдвинулись ближе друг к другу.

Входная дверь подалась внутрь не быстро и виновато. С таким шелестом в полной, звенящей тишине открывается обычно дверь во время контрольной по математике, чтобы запустить внутрь опоздавшего ученика. Вместо опоздавшего ученика внутри сначала оказалась кудрявая барашковая шапка на темноволосой голове, а потом – все тело в черной блестящей шубке.

– Здравствуйте, – проговорила вошедшая извиняющимся тоном. – Я за...

– Заходите, – проговорила нянечка, и ее брови сомкнулись в одно сплошное нарисованное тире. – Вы опоздали.

– Вечерняя смена, – откликается мать. В этом лилипутском царстве она – виноватая морозная тень. – Пришлось задержаться.

Девочка хмурится от знакомой фразы. Вечерняя смена. Сквозь испарения тающего на шубе снега она чувствует знакомый и сложный запах. Мамины духи, не мамыны духи, сигаретный дым, хотя дома мама не курит. Приторный и спиртовой запах того, что наливают обычно в бутылки с высоким горлышком. Девочка на лавочке дернулась вперед – но ласковым, профессиональным движением Маргарита Петровна придвинула её локтем к шкафу.

– Может быть, сначала расскажем, что сегодня произошло? – спросила она ласково настолько, что из уголков её губ брызнула крошечная розовая слюна.

Девочка всхлипнула, открыла дверцу с лисичкой, вытащила наружу полусмятый листочек, протянула матери. На белом фоне плясала выведенная синим фломастером фигура с круглой головой. В правой руке фигура сжимала палочку. Красную палочку. Красный и синий. Маргарита Петровна торжествующе молчала, и по её лицу гостя поняла, что должна обо всем догадаться сама.

– Кто это, милая?

– Папа, – ответила она исподлобья.

Маргарита Петровна заложила точеные, покрытые темным пушком руки друг за друга, важно кивнула, но продолжала молчать.

– Ну... А почему у него лица нет? – аккуратно спросила мама, разглядывая синий пустой круг на тонкой короткой шее.

– Мама, это кафа-а-андр, – тянет девочка, – а это шлем у него.

– Зачем папе шлем?

– Потому что он космонавт! Ты же сама сказала!

Мама, приоткрывшая было рот, сейчас же плотно сомкнула фиолетовые губы.

– А что тогда... за палочка у него в руке?

– Ин-ди-ка-тор, – с выражением произнесла малышка, нахмутив крошечный розовый лоб.

– Индикатор, – завороченно, качнувшись вперед, повторила Маргарита Петровна. – А теперь расскажи, зачем ты насыпала Ванечке в кашу стакан соли?

Глава 6. Семья электролетчика

– Ничего не пойму, – раздосадованно бормотал Евгений Борисович, по третьему разу перекладывая с места на места протоколы допросов. – Вы разговаривали с его семьей? Матерью? Соседями? Где все это?

Веня вместо ответа брякал ребром ложечки в кружке. Задумчиво наблюдал, как синица за окном клюет разложенное на железном подоконнике печенье.

– Вениамин!

– А?

– Где, говорю, протоколы допроса родственников?

– А... – отозвался Веня вяло. – Там, в файлике посмотрите...

Евгений Борисович нащупал в ворохе гладкий, липнувший к пальцам файлик. Толщина файлика не оставляла надежд: три тонких листочка А4. Пробег глазами по диагонали подтвердил ожидания: не знаем, не подозрительный, не шумел, хорошо чинил. Жена: Анастасия Буранова. Дети: Иван Буранов, Авдотья Буранова.

– Они что, незарегистрированные?

– Не-а, – ответил Веня. – Жена библиотечарша, получает копейки. Тихо ненавидит мужика. Зачем рожала от него двоих – непонятно. Сын какой-то ненормальный, не разговаривает совсем, и дерганый. Дочка тогда еще только по полу ползала – какой там допрос.

Он помолчал. Отпил кофе. В тишине было слышно, как комок растворенного неспрессо скатился вниз по пищеводу и со всхлипом шлепнулся в желудок.

– Знаешь, нам ведь даже не пришлось их искать, – сказал Веня, прицепившись взглядом к черной дорожке шрифта. – Она сама на нас вышла. Сказала, мол, муж пропал. Так и так, электрик. А мы как раз искали злодея из Чистяков, ну и сложили два и два. Выходит, баба сама его и заложила нам, пусть и не нарочно.

– Так, может, не он? – нахмурил брови Евгений Борисович. – Вдруг она сама его порешила и следы замечает, а там, в поселке – совсем другой тип?

– Может, – покорно согласился Вениамин. – Только улики никаких не нашли. Хотя... она была рада, что он исчез. Говорила, жизнь всю испортил. Мол, обещал забрать в новый дом и все такое, а сам... Типичная бабская песня.

Евгений Борисович, хмыкнув, переписывает адрес огрызком карандаша в свой потрепанный блокнотик. «Интересно, кто такой Горбонос, что в его честь улицу называли? – думает он, выводя последнюю букву круглым, как в начальной школе, почерком. – А, впрочем, нет. Неинтересно».

* * *

Троллейбус. На стекле – вмерзшая в снежные завихрения открытка. Мэр города с бородой Деда Мороза держит мешок с субсидиями и прибавками к пенсиям и стипендиям.

За стеклом проплывает чернильная тьма леса. Там, за стволами, угадывается прямоугольник дома. Дома, окна которого не светятся, вопреки обещаниям того самого мэра. Женщина в кудрявой барашковой шапке недоверчиво поджимает губы, вздыхает. Облачко серебристого пара сейчас же растворяется в воздухе.

– О чем ты думала, Дуня? – раздраженно говорит женщина девочке на соседнем сиденье.

Девочка увлеченно и ритмично пинает серым валенком спинку сиденья напротив.

С сиденья встает, тревожно оглядываясь, худощавый мужик неопределенного возраста. Близоруко щурится в круглых очках, замечает девочку, закрывает рот прежде, чем выплеснуть свой дрожащий упрек. Мать нервно и быстро мотает головой. Дуня быстро подмигивает правым

глазом, и незнакомец тотчас расплывается в улыбке. А потом старик в нелепой шляпе, неровно балансируя от поручня к поручню, исчезает в глубине салона. Дуня разворачивается валеночками в проход.

– Дуня, – вкрадчиво тянет мать. – Зачем ты насыпала соли в кашку этому... мальчику?

– стакан соли может убить человека, – серьезно отвечает она, не оборачиваясь. – Я читала в твоём журнале. Мама, он сказал, что не бывает электриков-космонавтов! – срывается она вдруг на жалобный крик. – Он сказал, что я сама придумала все! Он сказал, что нету никакого папы.

Мать вздыхает, выпуская облачко винного пара. Привычно быстро считает цифры на красно-белом билете: несчастливый.

– Глупенькая, – проговаривает она ласково. – Он ведь заметил бы, что каша соленая.

– Да, – грустно констатирует девочка. – Он и заметил. Про отца речь не заходит: правду знают обе женщины, и маленькая, и большая.

– Пошли, бедовая, – вздыхает мать, подталкивая девочки к двери. – И брат твой такой же...

До дома Дуня и мать идут молча.

У подъезда стоит синеватая тень с надписью во всю спину.

Оборачиваясь к ним от сломанного домофона, Евгений Борисович приветливо машет рукой:

– Вы не знаете, как Анастасию Буранову найти?

Женщина замирает на месте с открытым ртом, мучительно вглядывается в краснощекое лицо.

– А зачем вам? – осторожно интересуется она, закрывая спиной девочку в маленьком полушубке.

– По поводу мужа, – суровеет участковый.

В его ладони – небольшая, распечатанная на плохом принтере фотография с портретом. Даже среди горизонтальных помех можно различить прямой нос, большие

впалые и будто вечно уставшие глаза, сжатые тонкие губы – и понять, что хозяйка портрета стоит напротив.

– Не знаю я, где он, – сердито отвечает женщина. – Он не приходил, не звонил, не писал, я переехала на новую квартиру и вообще никому из соседей не говорила куда. Не хочу ничего о нем слышать, и знать его не хочу.

– Ма-а-ам, не ври, – отчетливо произносит девочка за спиной.

Дуня наклоняется вбок – чтобы выглянуть из-за шубяной маминой спины и внимательно рассмотреть полицейского. Полицейский наклоняет голову вниз, чтобы внимательно рассмотреть крошечную девочку – с высоким лбом отца и прямым маминым носом.

* * *

В тесной кухне только и хватает места для двух взрослых. Все остальное сжирает сервант, ящики, ящички, холодильник – советский, потрепанный, рычащий северным зверем, полоска белья на диагональной веревке, кастрюли. Каждый квадратик занят посудой, прихваткой, статуэткой. Евгений Борисович ловит себя на двойственном ощущении: все эти мелочи кажутся очень уютными и напоминают кухню в собственной (поправка: материнской) квартире. Но здесь их будто больше, чем нужно: отчаянная попытка заполнить малейшее проявление пустоты. Даже красивая хрустальная ваза для цветов не пуста: на три четверти она засыпана цилиндриками из спрессованной стружки. На выпуклых донцах – латинские буквы. Евгений Борисович прищуривается: среди обычных пробок парочка пластиковых. Хмыкает в пустоту.

Дуня сидит в коридоре, возится у самого порога с инструментами. Прикасается к пальцу индикаторной отверткой, отчего в полупрозрачном брюшке вспыхивает крошечный оранжевый огонек.

– Рассказывайте.

– Нечего рассказывать, – разводит руками Анастасия.

Бросает косой взгляд на дочь.

– А где же Ваня? – деловито интересуется Евгений Бо-

рисович, быстро делая пометки в блокноте.

Дуня вскидывает круглую голову.

– В школе, – отвечает мать после паузы.

Чашка в руках подрагивает, и женщина торопливо ставит её на стол.

– Времени – семь часов, – комментирует участковый. –

Не поздновато ли для школы? Мальчик учится во вторую смену?

Женщина все-таки подносит к губам кружку, хлебает темный напиток, проглатывает – быстро, как алкоголь.

– Мальчик учится в интернате, – говорит она четко и размеренно, глядя в темную заоконную пустоту.

Стараясь не смотреть на треугольное нахмуренное лицо мальчика с холодильника, похожее на отцовское.

Его день рождения обведен красным фломастером на крошечном квадратном календаре, который дали ей в

банке. Календарь кричащего розового цвета – неизвестно, кто придумал, будто розовый – это женский, так ещё

и возле месяца крошечным апострофом дописано слова «Мария». А возле двузначного числа – только одна буква.

Январь – «Мария».

13 – В.

Но участковый тоже бродит глазами по холодильнику. Наткнувшись на знакомое слово, в первый момент Евгений Борисович щурится, потом достает блокнот.

– Вы обращались в банк «Мария»?

– Да, – отвечает собеседница. – Надо было платить за квартиру, а зарплата в том месяце была совсем маленькая. Никому сейчас не нужны книги. А кроме этого женского банка, никто кредит не давал.

Она растерянно посмотрела на обветренные пальцы гостя, сжимающие крохотную записную книжку.

– Телефоны продавать пойду, наверное, – рассуждает она вслух. – Или какие профессии нынче в ходу?

– Электрики, – подает голос из коридора Дуня. – Хороший мастер всегда пригодится, так папа говорил...

– Да откуда ты вообще помнишь, что он говорил? – срывается мать. – Тебе только два исполнилось, когда... когда... Когда он улетел.

Дуня вскакивает с места, убегает в глубину комнаты. Немерцающая отвертка остается лежать в коридоре, напавив жало к двери.

Евгений Борисович улыбается, трясет головой. Чудная семейка. Все с прибабахом. Дочь-вундеркинд, мать, застрявшая в книжках. Сыночек, которого нет. Призрак отца, заключенный крошечным огоньком в крошечном индикаторе. «А своего-то помнишь?» – напоминает он сам себе бессильно. Его мать на вопросы, когда он был в Дунином возрасте, не отвечала. А потом он перестал спрашивать.

И все-таки он это чуял своим тем самым шестым чувством, охотничьим носом, зудящей фантомной трубкой Холмса – что напал наконец на нужный след.

– Скажите... – произнес он после паузы. – А у вас не найдется фотографии Озерцова?

Женщина вздыхает, уходит в темноту комнаты, возвращается с цветным, но старым снимком. На нем она – она со взбитыми темными кудрями и он с рыжими волосами. Футболка с Че на нем, красная блузка с необычно широкими плечами на ней.

– Почему вы не дали эту фотографию год назад?

Она опустила взгляд, отвела в сторону.

Слова давались ей тяжело, особенно правда.

– Я тогда не хотела, чтобы его нашли. Сказала, что нет никаких фотографий.

– А теперь?

– А теперь надеюсь, что, может, хоть вы его найдете. Живого... или... или...

Она всхлипнула, затряслась. Сначала молча, прикусывая губу, но потом все громче, уронила лицо в вытянутые ладони, волосы скрыли её темным занавесом, как девочку из колодца. Евгений Борисович положил ладонь на гудящую спину. Оглянулся – зачем-то.

Из глубины комнаты внимательно смотрела на него маленькая девочка с отверткой в руках.

Глава 7. Пробелы и столбы

14.01

Ваня пошевелился на кровати, сел в темноте.

Поводил носом. Душная комната наполнена дыханием семерых его спящих соседей. В полумраке они медленно вздымаются на своих кроватях, освещенные фонарем из окна.

Прислушался: из коридора не доносились шаги, свет погашен. На этаже, по правилам, должна сидеть и бдеть покой ночная дежурная; но в такой час она тоже засыпает – на узкой лавке, накрытой тонким шерстяным одеялом. Мимо неё можно прошмыгнуть незаметно и свернуть к туалету – если проснется, то ничего не заподозрит: парень просто пошел отлить.

Она не будет задавать даже лишних вопросов, и не придется оправдываться или врать. Все знают, что Иван Буранов, страдающий задержкой психического развития, не говорит.

В туалете – секретный карандаш под оконной фрамугой. Его нужно аккуратно поддеть, чтобы тяжелая рама пришла в движение. В небольшую щель можно сначала

выбросить припрятанную у батареи куртку, потом пролезть самому. Осторожно спуститься вдоль стены со второго этажа вниз, прыгнуть в выросший за ночь сугроб.

Идти нужно вдоль темных кустов. Тогда, если кто-то выглянет в окно, темное пятно не будет сильно заметно на фоне других темных пятен. Разве что отражающие полоски на куртке да оранжевый верх... Но там, где света нет, и отражаться нечему, а в папиной форме всегда будто теплее. Секретная тропинка, невидимая, но выученная наизусть, уводит дальше, к забору у стадиона, где есть еще один «секрет». Вперед, вперед.

От стадиона дорога изгибается между гаражей к частному сектору. На границе поселка живых и поселка машин стоит «собачий домик» – брошенная хозяевами сгоревшая изба без крыши и окон, которую облюбовали дворняги. Если двигаться не слишком быстро и не слишком медленно, можно пройти мимо собачьего домика и не потревожить его обитателей.

В хорошие времена Ваня старался приберечь немного еды из столовой, чтобы занести псам, но сегодня весь ужин съел сам. Для финального рывка нужны были силы. Впрочем, тут тихо. Значит, стая сама пошла на охоту по спящему району. Он знал слишком хорошо, чем может быть чревата встреча – под правым коленом остались шрамы от зубов. «Бедовый», – говорила мама. К своим четырнадцати годам он мог быть четырежды мертв. Пуповина, обвившаяся вокруг шеи восьмеркой. Глубокое озеро в первом классе. Стая собак. Электрический разряд. Прочие травмы были сущими мелочами – обычные для мальчишек вывихи, синяки, царапины; не очень обычные для мальчишек, но обычные для интернатовцев мокрые полотенца, подушка, прижатая к лицу, пока не начинают бегать в глазах черные муравьи...

Он вздрогнул от воспоминаний. Тропинка давно уже вывела сквозь частный сектор к спальному району многоэтажек. В одной из них его ждала сестра.

Темное пятно у дома ожило. Завернутая в шали, девочка вышла навстречу – прищурившись, Ваня махнул рукой.

– Она спит, – быстро сказала Дуня в ответ на вопросительный взгляд. – К нам сегодня по-лицейский приходил.

Ваня нахмурился.

– Спрашивал про него... Ну, про папу. И про тебя. Ну, она потом расстроилась. Долго не спала. А потом уснула.

Подросток передернул плечами, плюнул в хрустящий снег. Слюна прожгла в корочке крохотную круглую лунку.

– Мы ведь успеем, да?

* * *

Угрожающая синева на щеках давно лопнула, высвободив колючие волосы. На холоде они торчали дыбом, придавая Евгению Борисовичу еще более устрашающий вид. Впрочем, это было даже на руку в его нелегкой работе.

С утра он обошел все лишившиеся букв точки – с единственным снимком в руке.

– Вот этот, слева – не знаком?

– Нет, – пожимали плечами женщины.

Менялись только лица, но это растерянное «нет» оставалось одним и тем же, с одной интонацией. Одной безнадежностью. Одним полуудивлением. На месте пробелов расцвели новые временные буквы – без лампочек, наспех выпиленные из фанеры. Слово дописано. В то, что пропажа найдется, – никто не верил, и никто уже не ждал.

Еще оставался ломбард и тот самый женский банк, с которого все началось. Он внушал Евгению Борисовичу невнятное беспокойство и антипатию, и поход туда он

отчаянно пытался отложить; но другое, более внятное чувство – долга – тащило его вперед.

В ломбарде – еще одно печальное разведение рук в сторону. Равнодушный взгляд. Семерки висели на месте – новенькие, еще не выцветшие. Ломбардовский оборот легко покрыл двузначную утрату.

М.РИЯ.

Борисович скрежетнул зубами, почесал ладонь о металлическую щетину.

«Мария – банк для женщин, – подумал он весело. – А ломбард, выходит, для мужиков». Синие щеки приподнялись в суровой ухмылке. Пора ставить последнее «нет» в блокноте.

–...Вот этот, слева – видели его?

Софья Михайловна глядит на фотографию сквозь тонкую золотистую оправу.

– Видели? – настойчиво переспрашивает визитер, оглядывая по диагонали кабинет. С прошлого раза здесь ничего не поменялось, разве что сдвинулся правее красный бегунок на календаре.

Таким же, как дома у гражданки Бурановой А.

– Я знаю, кто справа, – не спеша говорит Софья Михайловна.

– Кто справа, я и сам знаю, – нетерпеливо огрызается участковый. – Она и дала мне эту фотографию. Вы видели человека слева?

– Видела, – растерянно отвечает женщина. – Так ведь сегодня его весь район видел.

Евгений Борисович прикипает к стулу. Вот оно! А еще не хотел сюда идти. Да надо было...

–...Он на каждом столбе висит, – продолжает женщина невозмутимо. – А эта женщина, выходит, его жена?

– Бывшая, – цедит сквозь зубы Евгений Борисович.

Бросив прощальный взгляд на персиковую стену с календарем, он шумно выходит из кабинета заведующей банка.

* * *

Нахмуренное треугольное лицо действительно смотрело на него с каждого столба.

Евгений Борисович бежал вдоль улицы от фонаря к фонарю, от одной копии Озерцова к другой, как по дорожке из хлебных крошек, ускоряя шаг. Пока не застал – квартал спустя – смешного невысокого брюнета с усиками, педантично прилеплявшего очередной листок к рекламному щитку. Поверх пожелтевших предложений с работой на дому и призывом взять мужа на час «особо опасный» Озерцов смотрелся на редкость органично.

– Что это на тебя нашло? – хмуро крикнул в спину коллеге Евгений Борисович, и Вениамин испуганно дернулся.

– А, это вы... – протянул он с напускным равнодушием. – Ищем вот. Вам ли, товарищ, не знать – пропавших людей ищут в день пропажи и в день рождения, а сегодня...

– Тринадцатое число, – прошептал участковый, – 13 В.

– А вы с чем ходите? – осведомился Вениамин, заглядывая в снимок. – Ах... Тоже с ним?

– Угу, – ответил Евгений, пряча фотографию в карман. Сейчас начнет клянчить.

Вениамин, вопреки ожиданиям, промолчал. Любовно пригладил ориентировку. Отошел на два шага – наклонив голову так и сяк, примерился, как художник к написанной картине. Цокнул языком:

– Ну-с, Евгений Борисович, я дальше пойду. Мне ещё до Мартовской дойти нужно.

Напарник замер.

В голосе выскочки не было ни мольбы, ни жалобы, зато откуда-то выперла гордость, чуть ли не самоупоение, и это казалось очень подозрительным.

– А зачем это вам, Вениамин Алексеевич, – вкрадчиво сказал (и сам удивился, что вспомнил отчество), – на Мартовскую?

Кончики усиков тревожно дернулись на ветру. Вениамин пожевал губами. Поправил теплую шапку на голове.

– А вот сразу видно, Евгений Борисович, что дело, которое вы так просили, вы изучили невнимательно. Плохо, прямо скажем.

Он медленно развернулся и бодро зашагал прочь по обледеневшему тротуару. Евгений Борисович, постояв пару секунд, рванул следом.

Глава 8. Сквот

Скрип, скрип. Сапоги искусственной кожи оставляют две цепочки следов –большие, почти сорок пятого, и маленькие, почти сорок первого. Двое разнокалиберных полицейских углубляются в небольшой лесопарк, вставший плотной стеной вокруг темного дома.

– Слыхали ли вы, Евгений Борисович, что такое сквот?

– Скот? – поморщился Евгений Борисович. Ледяные крошки летели ему в глаза, заставляя морщиться и то и дело сбивать застывшую росу с ресниц. Он жалел, что не надел так же, как его коллега, форменную ушастую шапку, тормозящую снег на подлете к лицу. – Склад?

– Сквот, – прокричал вверх Вениамин. – Это самовольное заселение на покинутую или незанятую жилплощадь. У нас эта культура распространена не очень. Не так, как, скажем, в Европе, но свои прецеденты есть.

– Что за Поле чудес, блин! – сердится Евгений Борисович, выплёвывая снежинку.

– Не читали вы дело, не читали, – сетует Вениамин. – Вот вы думаете, наверное, что Озерцов наш просто так, видимо из личных анархистских убеждений отрезал свет в Чугунках. Что он, наверное, дочку Вяткина просто так похитил. Вот что я вам скажу. – Он останавливается, устремляет на старшего прямой, победительный взгляд. – Этот Вяткин – директор компании «СтройМарт», которые года три назад начали строить дом на Мартовской.

– Не вижу связи, – буркнул Евгений Борисович, хотя осознание собственной никчемности уже вплотную подобралось к его самооценке.

– Озерцов продал свою квартиру, – упоенно продолжал Вениамин. – Озерцов хотел расширить жилплощадь. Дочка была уже на подходе.

– Ну и?

– Смотрите, – тянет сквозь темные ветки крохотную руку Вениамин. – Смотрите туда.

Там, куда он показывает, стоит прямоугольный дом. Темные клетки окошек. Серые стены. Ровные темные горизонталы, отмеряющие этажи. «Семь? Семь», – отсчитал в воздухе пальцем тот, что повыше.

– Так при чем тут твой сквот? Его баба живет давно на съемной хате вместе с дочкой, сын в интернате.

– Потому что дом не достроен, – торжествующе шепчет Вениамин. – Когда стройка заглохла окончательно, а из проданной квартиры нужно было съезжать, наш Робин Гуд начал все гасить, а потом, как ты помнишь, вовсе пропал. Сам загасился.

– Думаешь, он живет здесь? – беспокойно спросил Евгений Борисович, пытаясь пробиться прищуренный взглядом сквозь помехи летящего снега.

Дом казался безжизненным и темным.

– Чем черт не шутит, – пожимает плечами Вениамин. – Там недавно бабки видели какое-то оживление, вот и про-

верим заодно сигнал от неравнодушных горожан... Плюс кто-то зацепился от электропередачи...

Пихает старшего товарища под локоть и беззвучно дергает рукой. Под его домашней вязаной варежкой на снегу отчетливо видна не заросшая ещё сугробом продольная отметина полозьев. И уверенно протоптанная тропинка змеится к забору у дома.

– За мной, – командует Евгений Борисович.

Выпускает из ноздрей клубистый пар.

– Ты тут не главный, – огрызается Венеамин, но все-таки послушно, хотя и медленно идет за напарником.

В темном доме морозно. Это, видно, должен быть холл. В пустой лифтовой шахте навалило снега, воздух гуляет в ней как в трубе. По углам стыдливо распихан мусор. «Как будто прибрался кто», – шепчет про себя Евгений Борисович. Вдоль стены, еле заметный, крадется черный толстый провод и выбегает в не зашитый дверью проем.

Веня направляет на стену смартфононский фонарик.

Кружок выдирает из темноты короткую надпись, нарисованную баллончиком.

– Смотри-ка, – ржет он в спину товарищу. – И тут букву умудрились стибрить!

Евгений Борисович прижимает палец к губам. Напарник замолкает, скептически провожая его взгляд наверх. В тишине только завывает ветер, пронизывающий этаж насквозь, как нитка игольное ушко.

– Ничего тут нет, – бормочет он растерянно. – Мы обошли здесь все.

Второй полицейский выходит наружу из недостроя в прямоугольную арку. Там, за ней, должен был вырасти внутренний двор с ровными грядами парковки и островком детской площадки, а пока пусто. Большое снежное поле, обрамленное голым кустарником и заворачивающимися в букву «п» корпусами.

– Эй! тут есть пожарная лестница! – кричит он, и ветер радостно и послушно приносит его слова Евгению Борисовичу. – И эти, как их... санки.

* * *

...Голова болела, как будто накануне они распили не «Молоко любимой женщины», а слезы какой-то загадочной ведьмы. Настенные часы лениво перемахнули на двенадцатый час. По комнате летал ощутимый холодный ветерок из незакрытого окошка.

– Дуня, просыпайся, – кликнула Анастасия в сторону кровати у окна. Кровать промолчала, не зашевелилась, не покачнулась.

Приподнявшись на исшрамленном простыней локте, женщина всмотрелась. Наспех накинутое покрывало. Подушка уголком, как учил отец.

– Ушла, значит, – проговорила женщина.

Неловко встала с кровати.

Даром что полдень – зимой потемки почти весь день. Солнце едва пробивалось сквозь снежные тучи и шторы. И те, и те, казалось, повисли в этом мире навечно. Она все-таки раздернула тонкие занавески, и сначала даже прищурилась с непривычки: белое все слепило.

В зеркале на неё глядела испуганная чужая женщина с опухшими щеками и темной подглазницей. Может, и хорошо, что Дуня уже ушла: Насте каждый раз было стыдно в похмельные субботы.

– Погуляет два часа и вернется, – шепнула она темноте. Район тут тихий, додумала она. Спальный.

Червячок продолжал точить её изнутри. Ещё раз заглянув в пыльное стекло, она пообещала отражению вслух:

– Сейчас только приведу себя в порядок – и пойду.

Вывернула холодный кран: ледяная вода обожгла лицо и руки, зато сразу улетучился сон.

Подмигнула пушистыми мокрыми ресницами. Сразу вспомнила Володю: он всегда восхищался ресницами. Нет, и волосами тоже, и фигурой, и всем остальным, но ресницами в особенности. «Лучший подарок на день рождения», – восхищенно говорил он, когда пятнадцать лет назад она вместо поцелуя уткнулась в его щеку лбом и несколько раз сомкнула веки. Он называл это поцелуем бабочки, и звучало это жутко романтично. Так романтично, что через девять месяцев родился Ванюша.

А еще спустя пять лет – Дуня.

Настя прошла на кухню, нажала кнопку чайника. Вода внутри неохотно зашуршала. Женщина прижала оконную створку к раме, повернула ручку – наконец потихоньку стало возвращаться тепло. Тепло исходило невидимыми волнами от чайника, от ребристого радиатора, от оборотной стороны холодильника – черной металлической сетки. На лицевой стороне холодильника розовым пятном мерцал календарь с обведенной датой.

Сегодняшней датой. Красный прямоугольник бегунка и неровный фломастеровый кружочек совпали.

– С днем рождения, Володя, – прошептала Анастасия тихо.

К черту чай.

Она стащила с полки открытое еще со вчера розовое крымское. Пробки у «импортозамещающего» ни к черту – никакой роскоши, суровый гладкий пластик, но правило есть правило, и пробка ложится в вазу к своим соседкам.

Она помнит, когда туда легла первая – в день, когда Володя пришел домой с новеньким договором и блестящим буклетом.

– Заживем как люди! – радостно говорил он, а она целовала его ресницами.

С тех пор прошло триста шестьдесят две пробки.

Глава 9. Место встречи

...Второе пробуждение было таким же внезапным, как и первое, и тоже от сквозняка. Она дернула во сне холодной ногой и очнулась – только теперь уже в темной комнате. Часы настойчиво двигались к шести.

– Дуня, – шепнула женщина.

Бок колол острый угол. Она нащупала книгу под покрывалом, вытащила. В сумерках ничего не видать – дотянулась до шнура на советской настенной лампе. Желтый свет вырвал яркую глянцевую обложку: приклеенные из других фотографий дети на фоне нарядного дома. Синие, красные, желтые балконы делали его похожим на гигантский кубик Рубика.

– Наш дом, – сказала Анастасия.

Откинула журнал прочь. Крыльями разлетелась обложка, но журнал все равно приземлился на ковер. Дети продолжали бежать в неведомую пустоту.

«Надо её найти», – думала она устало.

Голова разрывалась, язык пересох. Пустая бутылка выглядывала из-под дивана насмешливо, будто дразнясь. Настя ударила её пяткой, и с жалобным бряканьем она укатилась к стене.

– Наверное, с Ваней гуляет, – рассуждала она вслух. – Да, точно.

Так ведь уже бывало раньше, шевелилось в памяти. Не о чем волноваться.

Тряхнула головой – и боль внутри перекатилась тяжелым шаром – так, что Настя сжала зубы, тихонько заныла. Откинулась на подушку – обратно – свет рисовал на потолке ровный круг, проходя сквозь колпак лампы. Нельзя, нельзя спать.

Женщина скрипнула челюстью – как будто это движение, подсмотренное в фильмах – должно было придать

решимости. Села – почти рывком, почти не обращая внимания на очередной тяжелый раскат в костяном своде. Фух, вот и все. Идти, искать. Просто пройти по району, да. Не могли ведь ребята уйти далеко?

Дети на обложке смеются. Кудрявый мальчик в джинсовых шортах, девочка в красном платье и белой панамке. Между ними – золотистый щенок. Золотистый щенок говорит:

– Вы можете видеть, как мы строим ваш дом.

Его человеческий лай заключен в шипастую рамку. Желтый фон, черный контур – беспроигрышное сочетание, если хочешь, чтобы твой текст заметили. Но здесь это не сработало. Она готова поклясться, что видит эту надпись впервые в жизни, как и электронный адрес, написанный ниже.

– Прошло три года, – напоминает она себе, но все-таки открывает побитый жизнью ноутбук.

Он издает знакомую трель. Привет, Настя.

На рабочем столе – та самая фотография: красная блузка, Че, черные кудри, рыжая копна. Фотографию, которая осталась, и так – не жалко; а он на ней похож на себя. Гораздо больше, чем тот угрюмый злобный тип с черно-белого фоторобота.

Так, какой там адрес?..

Она вбивает дрожащими пальцами латинские буквы, близоруко щурится. Enter. Странно. На сайте по-прежнему улыбается счастливая ребятня, бежит пес. Она находит крошечный прямоугольник с надписью «видео». На экране распускается плохого качества картинка.

Пару секунд Настя смотрит на трансляцию, а потом срывается с дивана.

Она бежит по снежному полю наперерез, по диагонали, увязая сапогами в сугробах, цепляясь за плотную корку. Чуть не упала – но темный дом, который должен был быть и её домом, уже близко; уже свернулся квадратным калачом.

– И эти, как их... Санки! – говорит невысокий человек в темно-синей форме.

Из проема навстречу выходит второй синий человек, повыше, и слепит фонариком ей в лицо.

Она пытается отдышаться, часто глотая воздух, как рыба.

– Вы... вы их... видели? – шепчет она без приветствий, тыкая пальцем в необъятное ватное небо.

– Кого, гражданочка? – интересуется Веня. – Как вас зовут?

Евгений Борисович тыкает его локтем и говорит:

– Плохо вы изучали дело, Вениамин как-там-вас! Эта гражданочка – Анастасия Буранова.

Женщина прячет лицо в пушистом шарфе.

– Куда интереснее, зачем вы тут.

Она глядит на них быстро. Сначала растерянno, но потом взгляд проясняется. Настя переводит взгляд по треугольнику – крыша – санки – круглое усатое лицо Вениамина. Взгляд цепляется за черный провод, колотящийся на ветру между лестницей и стеной.

– Вы ничего не знаете, – шепчет она полуубедительно, полувиновато.

Забирается на первую ступеньку лестницы, сваренную из трех прутьев. Хватается за стальные ребристые перила. Перебирая ногами в модных сапожках, цепляется ещё и ещё, с каждым шагом удаляясь от них в беспросветную высь.

– Дамочка, вы куда? – растерянno басит вслед Вениамин.

Оглядывается на Евгения Борисовича. Тот качает головой:

– Я не полезу. Вдруг они внизу. Буду тут ловить... Разделимся, типа.

Вениамин поправляет большую шапку на маленькой голове.

Черная морозная тень движется вверх короткими рывками.

– На су-е-фа, – робко говорит Вениамин, сжимая варежечный кулачок.

– Лезь уже, – сурово настаивает Евгений Борисович, и Вениамин, бурча проклятия сквозь усы, встает на узкую лесенку.

Евгений Борисович нащупывает пачку в кармане. Стоять, похоже, придется долго.

Внезапный, но очень знакомый звук заставляет разжать пальцы и выронить тлеющую сигарету.

Со стороны леса к недостроенному дому стремительно приближается, разгоняя лопастями снежных мух, вертолет.

Тяжело вздохнув и бросив прощальный взгляд на недокуренную сигарету, участковый неловко забирается на бочку. Впереди его ждут двадцать пять метров ненавистой лестницы.

Утешало только то, что она могла превратиться в карьерную.

Глава 10. Крыша мира

Как быстро можно забраться вверх на семь этажей по металлической лесенке? С него сошло семь потов, когда он понял разом несколько вещей. Что зря не любил физкультуру. Что опрометчиво лезть без страховки. Что

если он раздумает сейчас – то спускаться вниз нужно будет столько же, сколько забираться наверх. Что отсюда открывается чудесный вид на пустырь и темные кусты, из которых они зачем-то сюда вышли.

Что вертолет, которого он не видит из-за бесконечной, огромной стены перед собой, завис где-то над ним и над крышей, и в треске его лопастей и ветре в ушах теряются прочие звуки.

Надо поднажать.

Сквозь пелену он слышит чьи-то крики, морщится, но слова не становятся разборчивее. В тяжелых ботинках уже мокро от снега и пота, но надо быстрее передвигать ноги... Он клянет мамыны пирожки и упрямо шагает вверх. Стена, окно, узкая площадка – отдышаться и выше, выше. Почему эту лестницу еще никто не срезал? Столько металла пропадает! Глядишь – и не нужно было бы сейчас никуда забираться. Да что же там наверху?

Когда он наконец забирается на крышу, поток ветра едва не сбивает его обратно. Он прижимается к земле ватной черепашкой.

Ему кажется, будто он не просто забрался на крышу, а оказался в неведомом новом шоу.

Вертолет висит над крышей, как гигантская стрекоза над цветком. Из голубоватого блестящего брюшка свисает веревочная лесенка, и за неё цепляются трое: крошечная девочка – уже у самого верха – подросток в куртке электрика – женщина без шубы. Шуба нелепой кляксой размазалась прямо под вертолетом, беззащитная, лишившаяся хозяйки. Евгений Борисович протирает глаза, ползет к середине.

Человек с редкой бородкой утирает скупую слезу белой бумажной салфеткой. Евгений Борисович с изумлением узнает в нем Вислого. Вислый, узнав в ползущем госте ненавистного участкового, на всякий случай уходит подальше.

– Где Веня? – шепчет одними губами участковый и наконец неловко поднимается, закрывая уши от шума.

Крошечный Веня, сняв с себя куртку, укрывает ею кого-то.

Вертолет поднимается вверх. Женщина исчезает в темном проеме. Дверь отрезает её от мира и от преследования.

– Чёрт, – ругается Евгений Борисович.

Оглядывается назад.

Расцветенная огнями, его встречает выложенная неровная надпись, в которой он без труда узнает шрифты марий, молока, ломбарда:

«С днем рАждения, папа Мы ждем тебя горбоносова 77».

– Чёрт!

Вениамин что-то ласково шепчет на ухо незнакомке. Евгений Борисович вглядывается в её худое, скуластое лицо:

– Вяткина?

– У неё вообще-то имя есть, – обиженно заявляет Вениамин. – Маша. Этот говнюк год с лишним продержал принцессу в деревне.

Девушка всхлипывает.

Черная обводка вокруг глаз исчезла, но губы по-прежнему выглядят полными, мягкими. Темные волосы собраны в тугий хвост. На ней простой свитер и штаны, от которых даже в морозном воздухе отчетливо расходится запах деревни. С клеенчатого фартука на поясе улыбается в лицо Евгению Борисовичу мультяшный коричневый теленок.

Евгений Борисович пинает алую «а». Не видать ему памятной кружки. Но одна мысль упрямо не дает ему покоя. Что-то не сходится.

– Почему он тебя отпустил? – трясет он девушку за плечи.

– Он... он не хотел меня здесь сажать... мы должны были прилететь к папе на работу... а потом... потом... надпись эта... – Она рыдает и раскрывает свитер.

Под свитером, поверх футболки и передника – смешная круглая блямба с узкими ремешками, как в кино. Цифры на прямоугольном экране стремительно бегут обратно. Стрекошущий вертолет скрылся за лесом. Бежать бессмысленно.

–..., – шепчет Вениамин

–..., – шепчет Евгений Борисович.

Сейчас они солидарны как никогда, без фальшивой вежливости и иронии.

Вислый пьет водку из крошечной бутылки и машет белым промокшим от слез платочком темноте.

32, 31, 30.

Можно прыгнуть с крыши, лихорадочно думает участковый. Перерезать провода или что там... какой – красный, черный?

29, 28, 27.

Седьмой этаж, лучше по лесенке, шепчет второй голос. Ну какая может быть взрывная волна от такой штуки? А если она ещё и накроет её своим телом – то просто отползти. Поближе к буквам, ага. Вениамин, поймав лихорадочный взгляд товарища, быстро кивает. Нежно гладит девушку по спине и отползает в сторону.

...25, 24... кричат цифры на экране.

«Это ж надо было смастерить такое!» – восхищается участковый, ощупывая ногой край крыши. Дальше ползти некуда.

15... 14 ... 13...

– Не надо было сюда лезть, – бессильно одними губами выводит Вениамин, и это второй раз за минуту, когда напарник с ним согласен.

Когда цифры добегают до нуля, на людей постепенно – как будто целую вечность – обрушивается темнота.

В самом прямом смысле слова. Первыми гаснут буквы на крыше, прощально мигнув.

А потом выключается небо, подсвеченное рекламными щитами. Бац-бац-бац... Фонари и дома, стеклянные высотки, торчащие из-за деревьев.

– Вот это я понимаю – загасился, – восхищенно шепчет Вениамин.

Маша подбирает распластанную шубу и торопливо накидывает себе на плечи. Распускает гладкий хвост. Легонько дергает спиной – и вот уже видно: не случайная Маша, сгустившаяся из воздуха, а Вяткина, ночная царица.

– Поехали, – командует она призрачному экипажу, вытирая несуществующую тушь. Въевшаяся намертво привычка. – Я готова давать показания. Я все расскажу. Только папе надо набрать.

– Кажется, будет нам премия, – шепчет Евгений Борисович Вениамину, и тот тихонько смеется в ответ.